

Юэ Линь улыбнулся.

- Я ничего не могу сделать.

- Давай! Это не весело, - покачал головой культиватор.

- Мы все выступали. Если ты серьезно относишься к тому, чтобы завести друзей, ты должен хотя бы сказать что-нибудь. Кто поверит, что ты ничего не умеешь?

Окружающие культиваторы подзадоривали его.

- Ну же, брат! Скажи хотя бы пару слов!

Юэ Линь, казалось, был убежден. Он сорвал лист с ближайшей ветки, поднес его к губам и тихо заиграл мелодию. Зазвучала чистая, звонкая мелодия, похожая на пение птиц в листве, приятная и сладкозвучная.

Неподалеку встал Чу Ханьцин.

Он остановился как вкопанный.

Юэ Линь играл южную мелодию под названием "Смешанные цветы среди деревьев". Она была широко известна в провинции Цзяннань, и ее могли напевать как пожилые люди, так и маленькие дети. Если ребенок не мог заснуть ночью, мать баюкала его под залитым лунным светом водным городом, напевая эту нежную мелодию, сливающуюся со звуком текущей воды.

Прежде чем песня закончилась, кто-то крикнул:

- Господин Юэ Чжао.

Мелодия оборвалась, и Юэ Линь, держа лист между пальцами, издали посмотрел на Чу Ханьцина.

Чу Ханьцин не любил общения, но, поскольку его позвали, он слегка кивнул.

Оживленная женщина-практик спросила:

- Господин Юэ Чжао, он хорошо сыграл мелодию?

Чу Ханьцин ответил:

- Это было хорошо.

Женщина-практик рассмеялась:

- Я слышала, что господин Юэ Чжао родом из Цзяннани и прибыл на берега Девяти рек только десять лет назад, когда секта Дальних Гор перенесла свой дворец. Эта южная мелодия, должно быть, нашла отклик в вашем сердце, верно?

Чу Ханьцзинь:

- Да.

- Не хотел бы господин Юэ Чжао присоединиться к нам?

Чу Ханьцзинь:

- Нет.

Прежде чем уйти, он бросил взгляд на Юэ Линя.

Его намерением было выразить удивление тем, что Юэ Линь может играть такую мелодию, но Юэ Линь поправил рукава и бесстыдно последовал за ним.

- ...

В темноте ночи холодные черные глаза Чу Ханьцзиня взглянули на него, слегка повернувшись.

Юэ Линь усмехнулся.

- Ты снова так на меня смотришь.

Чу Ханьцзинь с трудом перевел дыхание.

- Тебе что-то нужно?

Юэ Линь ответил:

- Мне нужна причина, чтобы поговорить с тобой?

Чу Ханьцинзнь сказал:

- Нет.

Затем, с безразличием, он добавил:

- Но ты исключение.

- ...

Юэ Линь приподнял брови и сказал:

- Откуда такое предубеждение против меня? Хорошо, мне действительно есть что сказать.

Ледяные глаза Чу Ханьцинзня обратились к нему.

Юэ Линь направился в укромный уголок банкета, подзывая его.

- Господин Юэ Чжао, подойдите сюда.

Он остановился за стеной, увитой розами, вплетенными в увядшие лозы. Внутри разросшаяся дикая трава закрывала большую часть обзора, создавая дикую пустошь из теней, зловеще колышущихся на ветру.

Как раз в тот момент, когда Чу Ханьцинзнь собирался спросить: "Зачем ты привел меня сюда?" Юэ Линь приложил палец к губам и прошептал:

- Ш-ш-ш.

Слабый ветерок донес приглушенные звуки, мягкие и прерывистые.

Затем послышалось несколько слабых человеческих голосов, тихо перешептывающихся.

В темноте Юэ Линь повернулся к Чу Ханьцинзню, жестикулируя глазами:

- Ты слышишь это?

Чу Ханьцинзнь стоял неподвижно, опустив взгляд. Он слышал только слабые звуки, нарастающие и смешивающиеся, сопровождаемые тихими стонами боли.

Выражение лица Чу Ханьцзиня стало холодным, когда он повернулся к Юэ Линю.

По логике вещей, он не должен был знать, что это было. Но внезапно, словно пораженный внезапным озарением, его мысли понеслись вскачь. Он схватил Юэ Линя за запястье, его взгляд был острым и яростным, как будто он хотел разорвать его на части, и он смотрел на него ледяным взглядом.

Он процедил сквозь стиснутые зубы:

- Бесстыдник!

Юэ Линь, ничуть не смутившись, небрежно разжал нефритовые пальцы Чу Ханьцзиня, поднял с земли камень и под потрясенным взглядом Чу Ханьцзиня швырнул его в сторону источника звуков.

Бам!

Внутри началась бурная деятельность.

Чу Ханьцзинь: ...

Вскоре после этого кто-то бросился бежать.

Юэ Линь схватил Чу Ханьцзиня за запястье и толкнул его поглубже в тень розового куста, так что лепестки задевали их. Воздух наполнился внезапным цветочным ароматом, сказочным и головокружительным, а тени и лунный свет покачнулись.

Чу Ханьцзинь уже собирался оттолкнуть его, когда тихий голос прошептал ему на ухо:

- Ты хочешь, чтобы люди знали, что ты шпионил за другими... занимаясь таким?

Смысл его слов был слишком ясен.

Пальцы Чу Ханьцзиня сжались, едва не раздавив лепестки в его руках. Но он был крепко прижат к стене, теплое дыхание касалось его ресниц, неся в себе нотку хаоса и искушения.

Его дыхание стало тяжелее, когда он посмотрел в глаза, которые находились всего в нескольких дюймах от него.

Зрачки Юэ Линя не были абсолютно черными. Они напоминали вертикальные прорезы золотистых глаз рептилии, влажные и бледные, от которых веяло холодом.

В голосе Юэ Линя слышалось веселье.

- Вот как выглядит бесстыдство.

Неподалеку торопливо выбежала фигура, одетая в соответствующую одежду.

Человек огляделся, словно ища того, кто бросил камень.

Юэ Линь еще крепче прижал к себе Чу Ханьцзиня.

Его губы коснулись уха Чу Ханьцзиня, почти поцеловав белоснежную мочку.

Вскоре за ним последовала еще одна фигура.

Даже в тусклом свете Чу Ханьцзинь сразу узнал две фигуры — одна была одета в мантию Дао Дальней Горы, другая - в мантию секты Мофа. У ученика секты Дальней Горы на воротнике были вышиты три полосы, указывающие на высокий ранг.

Секта Дальних Гор строго запрещала любое подобное неподобающее поведение во Дворце Секты.

И все же они осмелились так нагло нарушить это правило.

Как только эти двое ушли, Чу Ханьцзинь схватил Юэ Линя за шиворот и оттолкнул его на два или три шага назад.

Выражение его лица было холодным и сдержанным, кожа бледной, а манеры безупречными.

- Почему я должен прятаться?

Даже если он и столкнулся с неподобающим поведением, стыдиться следовало им, а не ему. И все же Юэ Линь приперла его к стене, заставив чувствовать себя дезориентированным, как будто он был в чем-то виноват.

Юэ Линь улыбнулся.

- Господину Юэ Чжао действительно нечего скрывать, - сказал он.

- В конце концов, господин Юэ Чжао никогда не совершал подобных поступков в секте Дальней горы.

- ...

Саркастические нотки в его голосе были безошибочны.

Чу Ханьцинъ впился в него взглядом.

Юэ Линь, внешне невозмутимый, встретил его взгляд с полным безразличием.

То же самое гнетущее чувство напомнило Чу Ханьциню о человеке из его недавних ночных кошмаров.

<http://bllate.org/book/12934/1135286>